

У БУЛАТА Окуджавы есть теплое, душевное стихотворение, которое называется «Каравай»: «А в нем живут сгоревшие поляна, старяны мастерица и мастеров. Он, как последнее стихотворение, и доброе, и откровенное, и суровое. И задыхается на белом блюде от радости караваев своего... И кланяются караваю люди, и ломтики уносят от него...» Очень точно написано. Нечто похожее, наверно, можно сказать и о самих его стихах, прочитав которые люди уносят в памяти веселые и грустные строки, доброту, открытость и суровость поэта. Но у него есть еще и песни, и проза. И в любом случае его перо не спутаешь ни с чьим другим.

— У вас — и романы, и повести, и стихи, и эссе... Что же, главное?

— Мне трудно определить, что главное, потому что это происходит со мной не по какому-то заранее составленному плану, а, так сказать, по движению души, и то, что я делаю в данную минуту, кажется самым главным. Только, пожалуй, за исключением пьес, потому что давно почувствовал, что я не драматург. И не киносценарист. Но проза — это, пожалуй, мое призвание. О результате, конечно, судить не могу, но отношусь к прозе со страстью. Это хороший признак. И к стихам — такое же отношение, хотя в последнее время стихов и песен не пишу.

— А ведь вас всегда и везде прежде всего называют поэтом...

— Это потому, что я начинал как поэт, именно стихи пробудили мое творчество какой-то интерес.

— Над чем же вы сейчас работаете в прозе?

— Заканчиваю третий исторический роман — «Путешествия дилетантов». Первый — «Бедный Авросимов» опубликован в 1969 году в журнале «Дружба народов», а в этом году выходит отдельной книгой. Ныче в «Дружбе народов» публикуется и второй исторический, плутовский роман — «Старинный водевиль». Третий, как и первый, — на материале Петербурга. Только в первом романе — Петербург 1825 года, а в последнем — 1851-го.

— И все-таки вернемся к песням. Чем вы сами объясните, что многие ваши стихи стали песнями: только ли тем, что вы их стали петь, или музыкой, которая в них уже заложена?

— Тут обоюдное совпадение. Видно, у меня где-то внутри была запрятана, потому что до этого, как запел, уже написал несколько стихотворений в форме, соответствующей этому жанру. В них уже была какая-то внутренняя мелодия. Например, такие стихи: «Год сорок первый, зябкий туман... Уходят последние солдаты в Тамань. А им подписан пудей приговор, он лежит у крошки береговой...» Ритмически они

меня очень устраивали. Этот ритм идет от русского фольклора. Скажем, есть такая песня: «За морем синичка не пышно жила, не пышно жила — пиво варила...».

Вот это все как-то соблазняет — и постепенно, постепенно стало выливаться в песни. Не умея профессионально играть на гитаре, я все-таки решил и на гитарный аккомпанемент.

— Как рождаются песни? Например, о Леньке Королевой?

— «Ленька Королева» появилась в музее, в течение десяти

Впечатление ошеломляющее. Интересно, совпадает ли оно с впечатлением самого автора?

— Насчет этой песни мне говорить трудно, потому что она очень давняя и в то время, когда появилась, вызвала целую бурю одобрения, в основном — среди бывших фронтовиков. Это их песня. Помню, они плакали, и всякое бывало... Но когда я услышал ее в «Зримой песне», понял, что мне немножко помешало мое неумение играть на гитаре, она у меня получилась немножко более звучной, чем должна быть. А ведь

— А были случаи, когда ваши песни исполняли в фильмах не так, как надо?

— Да, конечно... Ну вот еще давню в картине «Горизонт» молодой человек пел «До свиданья, мальчики» — очень плохо, невыразительно... И песня в фильме умерла.

— Когда вы впервые поняли, что должны петь? Как это случилось? Как рождалась самая первая песня?

— Как-то в соротке шестом году, будучи студентом, подсел к пианино и двумя пальцами

они погоса, хораша школа, но мне не учился одной одной веши: что это не просто песни, а стихи плюс аккомпанемент плюс интонация. Они липали мои песни моей интонации — и жанр пропадал. Я считал, что в этом жанре (не знаю, как он называется) интонация играет очень большую роль. И потому иногда серьезный слушатель иногда исподтиги и неумение играть, и не очень удачную, может быть, мелодию, — была бы там интонация, в которой проявляется личность поэта, стояла бы за песней тогда эта является предметом искусства.

— Прошедшим летом в Варшаве я встречался с Войтеком Муинарским, которого там называют «польским Окуджавой». Он не только сам пишет песни, но и переводит ваши. Очевидно, вы знакомы и с Войтеком и с этими переводами. Устраивают ли они вас?

— Муинарского я вообще очень люблю, и несколько моих песен, которые он перевел и спел, мне импонируют. Он постарался сохранить как раз интонацию, что очень важно. В то же время Войтеку удалось сделать из них в какой-то степени и польские песни. На услугу, в свою очередь, стараюсь ответить тоже, стараясь, чтобы, когда Муинарский придет в Советский Союз, его песни были понятны нашему слушателю.

— Провокационный вопрос, ставший в интервью несколько трюном: если бы мы были в каком-то месте, о чем бы вы спросили поэта Булата Окуджаву?

— Увы, не смогу ответить на этот вопрос. Ведь я был журналистом, работал в Калуге, потом в «Литературной газете», и, наверно, потому именно, и знал, чем журналистика, что не знал, о чем спрашивать во время интервью...

ЕГО стихи знакомят нас с человеком цельным, строгим и честным. Он таков, потому что вместе с Ленькой Королевой ушел добровольцем с московского двора на войну. Поэт-коммунист помнит о своих сверстниках, без которых он «Москвы не представляет», которые остались там, на полях сражений. Он имеет право говорить и от их имени и от имени своего поколения:

Но если вдруг когда-нибудь мне уберечься не удастся, какое новое сражение ни покажешь б ни за мной, Я все равно паду на той далекой, на гражданской, и комиссары в пыльных шлемах склонятся молча над мной... Такое с холодным сердцем не напишешь.

Л. СИДОРОВСКИЙ.
(«Смена»).

«И КОМИССАРЫ В ПЫЛЬНЫХ ШЛЕМАХ СКЛОНЯТСЯ МОЛЧА НАДО МНОЙ...»

НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА ОТВЕЧАЕТ
БУЛАТ ОКУДЖАВА

минут. Ни одна песня у меня так быстро не появлялась. Как-то-то внутренняя импульс, конечно, был, о котором я и не подозревал, поэтому, наверно, моментально наговорил готовые стихи, записал их и тут же начал петь. У меня все песни — на готовые стихи. Только одна родилась наоборот, на музыку. — «По смоленской дороге», — поэт Юрий Левитанским придумали ее в самом деле на смоленской дороге, зимой, в машине. Ездили от «Литературной газеты» по разным областям, и была с нами гитара... А вообще-то при создании песен ничего романтического, необычного, экзотического нет, необычно, все требует большого труда и все не так живописно, как потом кажется. Просто работа. Работа часто изнурительная, потому что все время что-то меняется, переделывается... Пожалуй, все, кроме «Леньки Королева», — это очень сложный и прекрасный процесс. Для меня — прекрасный.

— Ясно, что все ваши песни очень личные. Но, наверно, все-таки есть среди них для вас самая близкая. Так сказать, самая-самая...

— Мне обычно нравится самая последняя, хотя она отнюдь не всегда бывает самой удачной, самой лучшей. Просто труд, который вкладывался в прежние вещи, забывается, а это еще свежо, и ранцы свежие. Поэтому и дорож и ценятся. Сегодня для меня такая песня «Приезжая семья фотографуется у памятника Фотушкину». Написал стихотворение. Его опубликовали в августовском номере «Юности». Вотом на эти стихи появилась мелодия. Может быть, не самая эффектная, но пока она мне милее остальных.

— Достойным финалом спектакля ленинградцев «Зримая песня» стала ваша — «До свиданья, мальчики». Я не однажды был на этом спектакле, и всякий раз, когда возникает эта песня, буквально — мурашки по коже.

музыкальный ритм играет большую роль: то, чего я не смог сделать, сделал режиссер... Поэтому очень хорошо получилось. Кстати, я ее слышал в Ленинграде. Сейчас много театров в стране заражены этим спектаклем, и надо сказать, песня «До свиданья, мальчики» всюду звучит трагично и сильно. И всякий раз меня волнует чувство глубокой благодарности к людям, которые с любовью отнеслись к моему детищу, сделал его настоящим произведением искусства.

— Успех кинофильма «Белорусский вокзал» во многом обязан вашей песне. Как она родилась? Есть ли за ней какие-то конкретные события?

— Я не собирался писать эту песню, но мой друг режиссер Андрей Смирнов повсюду. Была в этой просьбе одна изюминка, которая меня подкупила: нужно было сделать песню, которую как бы сложил участник войны (не поэт, а просто человек, умеющий писать стихи). Как будто сложил ее в те годы, находясь в том батальоне, — не очень умело, но искренне. Это была интересная задача. Я пробовал, но от музыки долгое время отказывался. Потом музыка пришла сама, вместе со словами. Сначала песня не произвела впечатления ни на режиссера, ни на киногруппу. И когда я ее исполнил, все было несколько разочаровано. Но я чувствовал: что-то в этой песне есть. Просто мешало мое неумение исполнять, да еще, не умея играть, я аккомпанировал себе на пианино. К тому же там присутствовал один композитор, и петь при нем было особенно трудно. Но вдруг он-то, единственный, сказал: «Это интересно». Тут же воспроизвел ее сам, и мы начали петь дуэтом. И тогда зазвез вся группа — и песня появилась. В фильме она меня тоже трогает, потому что спета так, как и должна была произзвучать: без особенного умения, на нерве.

стал подбирать песенку: «Неистов и упрямы — гори, огонь, гори. На шпоре — добрым придут январь...». Друзья ее подхватили. А еще раньше, на фронте, я написал стихи, придумал мелодию — и потом наш полк пел: «Нам в холодных теплушках не спалось...». Но я к этому занятию тогда относился несерьезно и даже в пятьдесят седьмом, начал систематически писать песни, тоже рассматривал это лишь как развлечение для друзей. Потом отношение изменилось. А спустя годы, вдруг почувствовал, что пишу песни, выходя за собой аудиторию. И тогда я поставил точку. И правильно сделал. Потому что интонация превратилась в обыкновенного песенника, который в угоду эстраде печет свою продукцию. Тогда то, что я делаю, теряет смысл. Понимаете, для песенника-профессионала это хорошо, а мне нездорово. Я не имею права штамповать песенки, пусть даже неплохие. Сейчас пишу, пожалуй, не больше одной в год.

— Когда человек — и поэт, и композитор, и исполнитель с очень своеобразной интонацией, нужен ли ему какой-то тайный образец для подражания?

— Насчет подражания мне говорить уже трудно, но всякий творчески работающий человек обязательно идет от кого-то и от чего-то, потому что в этом — линия развития литературы и искусства вообще, на голом месте ничего не создается. Есть традиции, преемственность развития культуры. В этом процессе участвуем мы все. Конечно, есть у меня учителя, но я их совершенно не напоминаю, например, учусь, хотя пушкинского у меня явно нет... Что же касается интонации, о которой вы упомянули, это очень интересный вопрос в подобном жанре. Потому что многие эстрадные певцы пытались исполнять мои песни, и они, делая это, конечно, очень грамотно, профессионально, у них хоро-